

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ-БИБЛЕИЗМЫ В ТЕКСТЕ И В ЗЕРКАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ (МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ)¹

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: в статье предлагается характеристика крылатых слов и выражений, источником которых является Библия. При всей универсальности их сакрального источника они обнаруживают довольно большие различия в разных языках, что обусловлено как разными переводами Священного Писания, так и особенностями соответствующих языков. Такие различия, представляющие трудности при переводе, проявляются в функционировании крылатых выражений-библейзмов в тексте. Данная ситуация демонстрируется на примере детализированного анализа выражения **мерзость запустения**.

Ключевые слова: крылатые слова и выражения, библейзмы, фразеологизмы, фразеография, сопоставительная фразеология.

Abstract: the article offers a description of popular words and expressions, the source of which is the Bible. Despite the universality of their sacred source, they reveal quite large differences in different languages, which is due both to different translations of the Holy Scriptures and to the characteristics of the corresponding languages. Such differences, which present difficulties in translation, are manifested in the functioning of popular biblical expressions in the text. This situation is demonstrated by the example of a detailed analysis of the expression **abomination of desolation**.

Keywords: winged words and expressions, biblical units, phraseological units, phraseography, comparative phraseology.

Роль Библии в создании и развитии литературных языков многих народов хорошо известна и изучена теологами, культурологами и лингвистами. При всей универсальности текста Священного Писания и его структурно-семантическом единстве в каждом из языков, на которые оно переведено, обнаруживаются не только сходства, но и существенные различия, обусловленные как теологическими, так и социолингвистическими факторами. Вот почему наследие Библии требует специализированного лингвокультурологического анализа при сопоставлении даже близкородственных языков [1]. Особое внимание при этом исследователи уделяют крылатым словам и афоризмам библейского происхождения, поскольку именно они запечатлели образную и идеологическую «бог вдохновенность» Книги книг. Традиционно в собраниях крылатых слов и выражений, начиная со справочника осно-

воположника этого жанра К. Бюхмана [2], такого рода устойчивые

словосочетания подвергались точному лексикографическому описанию и сопровождалась источниковедческими комментариями. В русской лексикографической традиции это было сделано в монументальном двухтомном сборнике М. И. Михельсона [3], а после понятного «затишья» официального интереса к этой проблематике в атеистическое советское время, — в ряде специальных словарей постперестроечного извода [4; 5; 6; 7 и др.].

При общности источника библейзмов в языках, находящихся под влиянием христианской культуры, обнаруживаются большие различия в составе этих единиц, как в количественном, так и в качественном плане. Показательно, что даже в таких близкородственных славянских языках, как польский и кашубский, подверженных общему католическому влиянию, такие различия весьма ощутимы [8]. Русский язык, в котором православная вера с ориентацией на церковнославянские сакральные тексты гармонически сближалась с общеевропейской культурой и влиянием польского, французского, немецкого и других языков, обнаруживает здесь специфические особенности. По мнению В. Г. Гака, эта специфичность проявляется именно в сочетании книжно-церковного и разговорного (навеянного во многом кальками

¹ Исследование выполняется за счет гранта РФ, проект 2023–2025 «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библейзмов)», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

с европейских языков) начал, значительно обогатившем фонд русских библеизмов [9]. Количественно он превосходит поэтому корпус библеизмов французского языка. И действительно, судя по материалам нашего «Толкового словаря библейских выражений и слов» [6], русские библеизмы представлены именно в этих двух ипостасях, связанных как с историей книжной культуры на Руси, так и историей русского языка послепетровского периода. При этом далеко не все устойчивые словосочетания и поговорки, имеющие библейский источник, воспринимаются носителями русского и других европейских языков как библеизмы. Таковы, например, судя по нашим опросам студенческой молодежи, выражения и пословицы *на злобу дня, голос крови, голубь мира; Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет; Кто ищет, тот всегда найдет; Кто не работает, тот не ест* и др.

При этом нередко уже сама форма и лексический состав подобных выражений должны бы, как кажется, стать «подсказкой» библейского первоисточника. Таков оборот *мерзость запустения*, последовательно фиксирующийся во многих лексикографических источниках [3,1: 547; 6: 308–309; 10: 427; 7, 1: 608; 8: 172–174 и др.]. Его фразеологический статус надежно запечатлен классическим словарем под ред. А. И. Молоткова [11: 242], в котором дана его лапидарная дефиниция: «состояние полного опустошения, разложения; в состоянии полного опустошения, разорения, разложения». Само слово *мерзость* ‘то, что вызывает омерзение, отвращение’, на первый взгляд, не дает прямого языкового сопряжения с текстом Священного Писания, поскольку оно у нас напрямую связано с однокоренным прил. *мерзкий* ‘вызывающий отвращение, гадкий’. Однако в церковнославянских словарях оно не только идентифицируется с библейским текстом, но и сопровождается греческим аналогом — *вдѣлхгмв* ‘что-либо отвратительное, гнусное’. При этом в разных фрагментах Библии оно приобретает и такие значения, как ‘отвращение, гнусность’; ‘языческое божество, идол’; ‘языческий обряд, идолослужение’ [12: 302]. Вот несколько таких контекстов:

«Вот скоро изолью на тебя ярость Мою и свершу над тобою гнев Мой, и буду судить тебя по путям твоим и возложу на тебя все *мерзости* твои. И не пощадит тебя око Мое, и не помилую. По путям твоим воздам тебе, и *мерзости* твои с тобою будут; и узнаете, что Я — Господь каратель. ...Беда пойдет за бедою и весть за вестью...» (Иез. 7:5–9, 26).

«Вот, вы надеетесь на обманчивые слова, которые не принесут вам пользы. Как! вы крадете, убиваете и прелюбодействуете, и клянетесь во лжи и кадите Ваалу, и ходите во след иных богов, которых вы не знаете, и потом приходите и становитесь пред лицом Моим в доме сем, над которым наречено имя Мое, и говорите: «мы спасены», чтобы впредь делать все эти *мерзости*. Не соделался ли вертепом разбой-

ников в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое?» (Иер. 7:8–11).

«Устроили капища Ваалу в долине сыновей Енномовых, чтобы проводить чрез огонь сыновей своих и дочерей своих в честь Молоху, чего Я не повелевал им, и Мне на ум не приходило, чтобы они делали эту *мерзость*...» (Иер. 32:35).

«И не войдет в него [Новый Иерусалим. — В. М.] ничто нечистое и никто, преданный *мерзости* и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21: 27).

«Если кто ляжет с женщиною, как с женщиною, то оба они сделали *мерзость*; да будут преданы смерти, кровь их на них... Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте. Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину; да будут они преданы смерти, кровь их на них» (Лев. 20: 13, 15–16).

Интересующий нас оборот *мерзость запустения* находим также как в Ветхом, так и в Новом Завете:

Дан. 9, 27: <...> И на крыле святилища будет *мерзость запустения*, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя.

Мф 24, 15–16: И так, когда увидите *мерзость запустения*, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы.

Как видим, слово *мерзость* в Библии характеризует не только (и даже не столько) состояние полного опустошения, разложения, разорения, но и греховные помыслы, поступки. Это могли быть и человеческие жертвоприношения, идолослужение и сами идолы, и блудодеяние, содомия, за что был сурово наказан Богом греховный город Вавилон. Такого рода комплексная негативная семантика дает основания теологам определить исходный смысл выражения *мерзость запустения* как «мерзость идола, поставленного в разоренном и запустевшем храме Иерусалимском, напр. идола государя Калигулы или конную статую императора Адриана, поставленную на месте «святое святых» (Дьяченко 1993, 302).

В книге пророка Даниила, где выражение *мерзость запустения* было употреблено впервые, возвещается установление Царства Мессии, которому будут предшествовать «семьдесят седьмин» (вероятно, 490 лет), т.е. время, необходимое для того, «чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония» (Дан. 9: 24) евреев. Это якобы будет время, когда еврейский народ ждут многие испытания: «...Город [Иерусалим] и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения... И на крыле святилища будет *мерзость запустения*...» (Дан. 9: 26–27). Отсюда — и понимание под нашим оборотом статуи языческого бога или изображение римского императора, поставленное в Иерусалимском храме незадолго

до его разрушения. К. Н. Дубровина, однако, считает, что такое объяснение оборота не подтверждается историей, поскольку в Иерусалимском храме никогда не было изображения римского императора. Вслед за некоторыми исследователями она признает иное толкование: Иерусалимский храм «сделается запустевшим», т. е. на границах оскверненного города и храма появятся всеопустошающее римское войско, а мерзкое осквернение этого святилища идолослужением связано с именем царя Антиоха IV Епифана, истребившего до 40 000 иудеев и ограбившего Иерусалимский храм (см. 1 Мак. 1: 20–24). Вероятно, под *мерзостью запустения* здесь подразумевается жертвенник и скульптура римского божества Юпитера, поскольку во 2-й книге Маккавейской сказано, что Антиох Епифан повелел «осквернить храм Иерусалимский и именовать его храмом Юпитера Олимпийского» (2 Мак. 6: 2). Это осквернение храма Антиохом и предсказал в своем пророчестве Даниил: «И поставлена будет им часть войска, которая осквернит святилище могущества и прекратит ежедневную жертву, и поставит *мерзость запустения*» (Дан. 11: 31; см. также 12: 11; ср. также Мат. 24: 15–16; Мар. 13: 14; Лук. 21: 20). «Таким образом, — заключает свой историко-культурологический экскурс К. Н. Дубровина [2008, 173–174], — смысл данного выражения в Библии связан с обозначением языческого жертвенника на месте храма, языческого божества, а также идолослужения. Но по пути от Библии до наших дней его семантика претерпела значительные изменения, и в современном русском языке оборот *мерзость запустения* обозначает прежде всего ‘разорение, опустошение, беспорядок, грязь’».

В русском языке этот смысловой путь запечатлен во многих контекстах, что нашло отражение в названных выше лексикографических источниках.

В древнерусском языке выражение *мерзость запустения* зафиксировано лишь как цитата из Остромирова Евангелия 1057 г. (Мтф. 24, 15–13, 2: 231). Словарь русского языка XI–XVII вв. приводит ее по тому же источнику, сопровождая контекстом из «Книги обличений и Евангелия вечного» Аввакума (1679 г.): «Да, затѣмъ... Телятника взашей: ну, къ чорту, первенець сатанин! Не подобаетъ ти, *мерзость запустѣнія*, сидети на мѣстѣ святѣ» [14, 9: 98]. Составители словаря предлагают к этому обороту толкование, вытекающее из этого контекста: «О небрежении святыней, нечестии; о чем-л., пришедшем в упадок».

Литература XVIII в. [15, 12: 136–137], с одной стороны, воспроизводит ассоциативную привязку слова *мерзость* и соответствующего словосочетания к осуждаемому Библией идолопоклонению, с другой, — уже развивает значение ‘состояние полного разорения, опустошения’, употребительное и сейчас:

[Евангелие] испразнило *мерзость идолослужения*. Аргенида повесть героическая соог. Иоанном

Барклаием <...>, перев. От Василья Тредиаковского (1751), II, 368.

Сей святыи муж начал представлять мне всю *мерзость прошедшей моей жизни*. Пельский П. А. Кум Матвей или превратности человеческого ума (1803), I, 30.

О Боже!.. Сотвори сие, да рукою крепкою и мышцею высокою Христа твоего очистится от *мерзости запустения*, Святыня твоя. Кременецкий И. Приветствие пресветлеишему и великодержавнейшему государю Петру первому (1717), II, I, 12.

Низвергни *запустенья мерзость*, Насильно вторгнись в Божий дом. Сочинения В. Петрова (1782), 187.

Об употребительности выражения уже в XIX веке свидетельствуют контексты из произведений популярных в то время писателей [3, 1: 547]:

Постыдно восхищаться только внешним блеском и роскошью столичной жизни и умышленно закрывать глаза на всю *мерзость запустения* политических и всяких других нравов. П. Д. Боборыкин. Обнищальный.

Это — круговая порука апатии и лености, в результате которой не может быть ничего иного, кроме *мерзости запустения*. М. Е. Салтыков-Щедрин. Г-да Молчалины.

Я не знаю ничего сиротливее, ничего печальнее наших запущенных барских домов!.. в пыли и в паутине, большие зеркала с тусклой неподвижностью отражают всю эту *мерзость запустения*... Н. С. Кохановская. Из провинциальной галереи портретов.

Действительно, в XIX веке популярность нашего выражения достигла кульминации. Вот лишь имена нескольких писателей, запечатлевших его в своих произведениях: А. В. Амфитеатров, П. В. Анненков, Н. Г. Гарин-Михайловский, И. А. Гончаров, А. Жемчужников, М. Н. Загоскин, В. В. Крестовский, И. И. Лажечников, Н. С. Лесков, А. П. Лопухин, С. В. Максимов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. В. Омулевский, Н. Г. Помяловский, М. Е. Салтыков-Щедрин, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, А. И. Эртель... За ними следуют имена писателей, публицистов и философов конца XIX — первой половины XX вв.: А. Т. Аверченко, Н. А. Бердяева, И. А. Бунина, О. Э. Мандельштама, Д. С. Мережковского, Н. А. Тэффи. В Национальном корпусе русского языка зафиксировано более 330 примеров употреблений этого оборота, — в том числе советского и постсоветского периода: А. Битов, Б. И. Вронский, Е. С. Гинзбург, Е. А. Гагарин, А. Мень, Н. П. Окунев, В. Ф. Панова, М. М. Пришвин, Н. Ю. Устралов, М. А. Шолохов, В. Я. Шишков...

Динамика контекстов оборота *мерзость запустения*, представленных в русском литературном наследии, в целом отражает семантический диапазон, очерченный его словарными дефинициями. И даже в самых оригинальных его переосмыслениях сохраняется некая библейская «апокалиптичность», возвращающая его к исходному источнику:

А. Бенуа, современник Малевича, сам великолепный художник и критик искусства, писал о картине:

«"Черный квадрат" в белом окладе — это не простая шутка, не простой вызов, не случайный маленький эпизодик, случившийся в доме на Марсовом поле, а это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем *мерзость запустения* и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через попрание всего любовного и нежного, приведет всех к гибели». Т. Толстая. Квадрат.

Некоторые же современные авторы прямо апеллируют к символике «идолослужения», заложенной в предсказании пророка Даниила:

Как всегда, языческие реликвии используются — и даже оскверняются — религией, которая вытесняет прежние верования. И всё выглядит, как *мерзость запустения*. Е. П. Блаватская. Новый Панарион.

Смысловая неотрывность оборота от породившего его сакрального текста сохраняет его почти неизменным даже при попытках индивидуально-авторского варьирования :

А те два инока... За эти десятилетия, изо дня в день, несли они великое послушание, творили высокий подвиг духовного просветительства <...> И в этих подвигах и страданиях сохранили святое, и это святое в них, видимое народу, среди *мерзости духовного опустошения*, какой же пример и сдержка для окружающих, ободрение и упование для алчущих и жаждущих Правды. И. С. Шмелев. Старый Валаам.

Более того — в поэтических текстах такая смысловая неотрывность может даже усиливаться за счет органического сопряжения с другими старославянскими, окрашенными яркой библейской символикой:

Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты —
И звоном меди православной
Все огласились высоты.

Забыты страшные дела —
И даже *мерзость запустенья*
Здесь *райским крином* расцвела.

Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.

Ф. И. Тютчев. «Над русской Вильной стародавней...»

Вчитываясь в неисчислимо контекстуальное богатство употреблений древнего русского выражения, мы можем предположить, что такая же ситуация характерна и для других языков общего христианского пространства. Однако, — как это ни парадоксально, — оно практически отсутствует в большинстве из них. Даже в близкородственных славянских языках оно является фразеологической лакуной и потому передается двуязычными словарями либо описательно,

либо опускается. Так, хотя в двуязычном русско-украинском и украинско-русском фразеологическом словаре к нему дается украинский эквивалент *мерзота (гидота) запустіння* [16: 328], но этот оборот отсутствует в академическом словаре украинской фразеологии [17: 2003]. Не приводится он и в двухтомном словаре белорусской фразеологии И. Я. Лепешева [18]. В русско-чешском фразеологическом словаре [19: 392] к обороту *мерзость запустения* предлагается лишь эквивалент *být ve stavu rozkladu* (букв. быть в состоянии разложения), что также — свидетельство этой языковой лакуны. В нашем русско-польском словаре крылатых слов [20: 288–289] по той же причине мы предлагаем лишь буквальный перевод русского библеизма, а в качестве польского эквивалента даем описательное словосочетание: *obrzydłość spustoszenia ~ obraz nędzy i rozpaczy* (букв. образ нужды и отчаяния). При этом мы сознавали, что пол. *obraz nędzy i rozpaczy* не полностью эквивалентен русскому библеизму, а обозначает скорее некую страшную картину или чей-л. плачевный вид. Но приходилось довольствоваться таким эквивалентом именно потому, что пол. *obrzydłość spustoszenia* — лишь буквальное воспроизведение библейской фразы, не насыщенной, как в русском литературном языке, мощной коннотативной оценочностью.

В этом, собственно, и заключается парадокс исторических судеб нашего выражения. В библейском тексте всех европейских языков мы его, конечно же, находим: бел. *мярзота запустэценьня*; укр. *мерзота запустіння*; пол. *obrzydliwość spustoszenia*; словацк. *ohavnosť spustošenia*; чеш. *ohavnost zpustošení*; словен. *gnusoba opustošenja*; серб. *gnusoba pustoši*; хорв. *gnusoba pustoši*; босн. *grozota pustoši*; болг. *мерзостта на запустението*; макед. *одепатността на пустошот*; англ. *the abomination of desolation*; нем. *der Gräuel der Verwüstung*; фр. *l'abomination de la désolation*. Однако все они так и остались лишь фрагментом библейского текста и не развили того коннотативного потенциала, который отражен в русском литературном языке. Не случайно, как и в приведенных славянских примерах, лексикографам неславянских языков приходится передавать русское выражение описательно. Так, хотя в немецком тексте Библии есть сочетание *der Gräuel der Verwüstung* (букв. ужас опустошения), русско-немецкий фразеологический словарь [21: 370] вынужден давать описательный эквивалент — *völlige Verwüstung [Zerstörung]; Verfall [Niedergang]* (букв. полное опустошение, разрушение; упадок, гибель).

Русскую историю библейского выражения *мерзость запустения*, как видим, можно считать уникальной. Рожденное из общего христианского источника, оно уже с XI в. стало известным книжникам Древней Руси благодаря Остромирову Евангелию. Воспроизводясь в литературных текстах последующих веков, оно обрело популярность и насыщалась новой фразеологической энергетикой. Насыщалось,

но не только не теряло смысловую и символическую связи с первоисточником, а даже, как мы видели, текстуральными аллюзиями усиливало эту связь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наследие Библии в языках и культурах народов России. / Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М. — М.: РУДН, 2022. — 496 с.
2. Buchmann Georg. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volks. Ges. und erl. von Georg Buchmann. Berlin: Haude und Spener, 1864. — 220 s.
3. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. — СПб.: [печатан в типографии Академии наук] — Т. 1, 1902. — 779 с. Т. 2, 1903. — 580+250 с.
4. Серов В. В. Крылатые слова: Энциклопедия / В. В. Серов. — М.: Локид-Пресс, 2003. — 831 с.
5. Дубровина 2008: Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов русского языка. — М., 2008. — 553 с.
6. Лилич Г. А. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 639, [1] с.
7. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. (Т. I. А-М. — 658 с.; — Т. II. Н-Я. — 656 с.) В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова / под ред. С. Г. Шулежковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.
8. Treder Jerzy. Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaj (na tle porównanym) / Jerzy Treder. — Wejherowo, 1989. — 312 s.
9. Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В. Г. Гак // ВЯ 1997. — № 5. — С. 55–65.
10. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Под ред. проф. В. М. Мокиенко. — 4-е изд., стереотипн. — М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. — 926. [2] с.
11. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1967. — 543 с.
12. Полный церковно-славянский словарь (со включением в него важнейших древне-русских слов и выражений). Сост. Г. Дьяченко. — М.: изд-во Московской Патриархии, 1993. — 1120 с.
13. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. — Т. 1–3. — СПб., 1893–1912.
14. СЛРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 1–31, — М.: Наука — Азбуковник. 1975–2019. (Издание продолжается)
15. СЛРЯ XVIII в.: Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–23. — Л.(СПб): Наука, 1984–2019. (издание продолжается). (Сл. XVIII в.).
16. ОС: Олійник І. С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. — Вид. 2-е. — Київ, 1978. — 447 с.
17. Фразеологічний словник української мови / Уклад.: В. М. Білоноженко та ін. Від. ред. В. О. Винник. — К.: Наукова думка, 2003. — 1104 с.
18. 18. Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы / І. Я. Лепешаў. — Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1993. Т. 1 (А-Л). 590 с.; Т. 2 (М-Я). — 607 с.
19. Stěpanova Ludmila. Rusko-český frazeologický slovník / Ludmila Stěpanova. — Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2007. — 878 s.
20. Chlebda W. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów / W. Chlebda, W. M. Mokienko, S. G. Szuleżkowa. — Jask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. — 706 s.
21. Petermann J. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch / J. Petermann, B. Hansen-Kokorus, T. Bill / Hrsg. von J. Matešić. Wissenschaftliche Redaktion: A. Bierich, O. Dobrowol'skij. Redaktion: E. L. Rymaševskaja. Leipzig-Berlin-München-Wien-Zürich-New York: Langenscheidt-Enzyklopädie, 1995. — XXX+946 s.

Санкт-Петербургский государственный университет
Мокиенко В. М., профессор филологического факультета
E-mail: mokienko40@mail.ru

Saint-Petersburg State University
Mokienko V. M., Professor of the Philological faculty
E-mail: mokienko40@mail.ru